

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОБЛЕМЫ АТЕИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX-НАЧАЛА XX В.

CULTURAL CRISIS THROUGH THE
PRISM OF ATHEISTIC CONSCIOUSNESS
PROBLEM IN THE RUSSIAN RELIGIOUS
PHILOSOPHY OF THE LATE
XIX-EARLY XX CENTURIES

*M. Kovaleva
A. Telegin*

Summary: In this article the author considers specifics of comprehension of crisis phenomena of culture in Russian religious philosophy of the turn of XIX-XX centuries. A distinctive feature of Russian philosophy of this period was the integration of cultural and religious ideas and concepts. The author states that in Russian religious philosophy the problem of culture was conceived in the context of the crisis of religious (Christian) consciousness. In this connection the question about the causes and essence of the crisis of culture was revealed by Russian thinkers through the prism of the problem of atheistic consciousness. Ways to transform as representatives of this trend saw differently: some ways to based on strengthening the undermined ties with Christianity, others relied on the achievements of scientific progress, others counted on the arrival of the revolution, which was to melt the previous worldview ideas in the new building material for future cultural construction.

Keywords: christianity, atheism, cultural crisis, Russian religious philosophy, Christian consciousness, atheistic consciousness.

Ковалева Марина Валерьевна

*к.ф.н., Курская академия государственной и
муниципальной службы
kmtv-46@yandex.ru*

Телегин Александр Александрович

*к.ф.н., Курский государственный университет
taa78@mail.ru*

Аннотация: В данной статье автор рассматривает специфику осмысления кризисных явлений культуры в русской религиозной философии рубежа XIX-XX в. Отличительной чертой русской философии данного периода являлась интеграция в ней культурных и религиозных идей и концептов. Автор констатирует, что в русской религиозной философии проблема культура мыслилась в контексте кризиса религиозного (христианского) сознания, в связи с чем, вопрос о причинах и сущности кризиса культуры раскрывался русскими мыслителями сквозь призму проблемы атеистического сознания. Способы преобразования виделись представителями данного направления по-разному: одни способы основывались на укреплении подорванных связей с христианством, другие опирались на достижения научного прогресса, третьи рассчитывали на приход революции, которая должна была переплавить предшествующие мировоззренческие идеи в новый строительный материал для будущих культурных конструкций.

Ключевые слова: христианство, атеизм, кризис культуры, русская религиозная философия, христианское сознание, атеистическое сознание.

Рубеж XIX-XX вв., отмеченный трагическими политическими и культурными событиями, породил такой уникальный феномен в мировой философской мысли, как русская религиозная философия, для которой характерна широта охвата философских и культурных проблем, тесная взаимосвязь с русской национальной моделью христианства и глубокая этичность. Русские философы предсказывали грядущие в судьбе европейской цивилизации катаклизмы и стремились найти путь, сохранявший культуру, которую необходимо было преобразовать, чтобы спасти от гибели.

Способы преобразования виделись мыслителями по-разному: одни способы основывались на укреплении подорванных связей с христианством, другие опирались на достижения научного прогресса, третьи рассчитывали на приход революции, которая должна была переплавить предшествующие мировоззренческие идеи в новый строительный материал для будущих культурных конструкций.

П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, Г.Г. Шпет писали о неизбежности разрушения «старого мира» и стремились выявить границы «мира нового» [7, с. 156]. Впоследствии это направление философствования оказало большое влияние на всю русскую философию, в связи с чем, изучение и систематизация данного наследия является актуальной задачей.

Отличительной чертой русской философии данного периода являлась слитость в ней культурных и религиозных идей и понятий: христианство мыслилось, как фундаментальное основание европейской и русской культуры, и ее кризис, соответственно, свидетельствовал, прежде всего, о кризисе сознания, связанного с процессами секуляризации [5, с. 134]. Закономерным продолжением стало обращение к важнейшей для русских мыслителей проблеме веры и неверия.

Критический подход к феномену атеизма получил вы-

ражение в ряде концепций, в которых происходит отход от «пассивного» понимания атеизма, как результата воздействия некой злой воли на человека и рассмотрение его, как внутреннего качества самой религии, проявившегося как симптом болезни обмирщения христианства.

Будучи ярким представителем русской религиозной философии, Н.А. Бердяев в своих философских размышлениях никогда окончательно не порывал с христианством. Для европейской общественности и в кругу русской интеллигенции Н.А. Бердяев стал носителем «русской идеи», которую сам определял, как идею эсхатологическую, и в тоже время направленную на поиск всеобщего спасения [2, с. 160].

«Новое средневековье» – одно из наиболее известных и вместе с тем, парадоксальных сочинений Н.А. Бердяева. Труд, изданный в 1924 г. как результат размышлений «последних полутора лет», представляет собой попытку осмыслить логику развития европейских событий, рассмотреть их в контексте ещё не окончательно утраченного самосознания культуры и надежды на «ритмичность» и осмысленность культурно-исторического процесса [1, с. 405]. В данном труде в развёрнутом виде представлена оригинальная версия теории культурных циклов, сформулированная Н.А. Бердяевым.

Социальные и экономические реформы радикального характера, произошедшие в России и Европе, Н.А. Бердяев ощущал как падение мира, полагая, что попытки построить на его основе благополучное идеальное общество обречены на неудачу.

Задача строения нового общества и его порядков, по мнению Н.А. Бердяева, должна пониматься в единстве всего космического хозяйства и мироустройства. Впоследствии его эсхатологические воззрения претерпят некоторые изменения – он отказывается от понимания Судного дня как конечности всякого бытия, а расценивает его как время выбора, когда от человека зависит возможность претворить идею всеобщего спасения [6, с. 10].

Н.А. Бердяев называл свое мировоззрение антропоцентризмом. Но понимал это не как вознесение человека над природой, а поставление человека в центр Вселенной, как её духовного сосредоточения и главного предмета философского осмысления. Разработанная в «Новом средневековье» теория культурных циклов дифференцирует эпохи на «дневные» и «ночные», которые условно соотносятся с философскими понятиями бытия и небытия, и позволяет выделить амбивалентность развития современного философу христианства.

«Новое средневековье» – это ночная эпоха, способная обеспечить рост как деструктивных духовных явлений (фанатичное деградирующее христианство и

неофеодальное «разваливающееся» государство), так и положительных аспектов (свободное сообщество свободных личностей).

При этом небытие относительно, оно не является противоположностью абсолютному бытию, как равное основание мира. Поскольку Н.А. Бердяев отрицает подлинное существование небытия, и рассматривает его как противоестественное искажение бытия, то в мире, где нет ничего кроме Бога и совершаемого им процесса творения, небытие также предстает как результат творения, но это путь творения.

Таким образом, зло – это результат свободного выбора мировой душой своего собственного пути. Но люди, свободно выбрав зло, сразу же свободу утратили, поскольку оказались под властью внешней необходимости. Свобода изначально присуща всему тварному бытию. Только свободной любовью к Богу и миру человек может достичь совершенства и слиться с абсолютным бытием. Каждый человек располагает возможностью свободным усилием духа воплотить божественную гармонию.

Таким образом, человек свободен более всего тогда, когда он соединен с Богом. Рассматривая историю человечества, Н.А. Бердяев видит ее исходной точкой отсчета отрыв мировой души от Бога. Смысл истории состоит в искуплении греха и возвращении творения к Богу, вытеснении зла и свободном слиянии творения с абсолютным бытием.

При этом христианство выполняет функцию «рамки», «границ» того должного, которое предоставляет место свободе через самоограничение; тогда как язычество есть стихийный произвол самоманифестации человека: «Метаистория», выражающая себя в грядущей «тьме Средневековья» и «хаосе», им порожденным, сопряжена с проблемой человека и его способностью к свободе и созиданию, как осмысленной самоорганизации [1, с. 418].

«Новое Средневековье» Бердяева интересно, прежде всего, уникальным синтезом концепции культурно-исторических циклов, развиваемых такими авторами, как А. Тойнби, О. Шпенглер, и философско-религиозных концептов христианства, которые, одновременно, выступают критерием дифференциации одного цикла от другого.

Проблемы, связанные предельными основами человеческого бытия и духовными основаниями культуры, волновали всех русских философов и писателей, однако у Л. Шестова они обретают характер экзальтированный и возвышенный, и поэтому его стиль философствования принято обозначать «экзистенциальным иррационализмом». Вопросы, связанные с верой и неверием, более

всего интересовали Л. Шестова в период его увлечения с философией С. Кьеркегора. С одной стороны, Л. Шестов выступает как интерпретатор идей датского философа, а с другой – можно видеть определенные различия во взглядах этих мыслителей [4, с. 106].

В С. Кьеркегоре Л. Шестов видел своего единомышленника, сражавшегося с рационалистической тенденцией в философии и религии. Обоих философов объединяет восприятие веры, лежащее по ту сторону ее рационалистических объяснений и конфессиональных толкований.

Вера, по Л. Шестову, – это путь от необходимости к свободе. Повторяя за Кьеркегором, Л. Шестов говорит: «Вера, только вера освобождает от греха человека: вера, только вера может вырвать человека из власти необходимых истин, которые овладели его сознанием после того, как он отведал плодов с запретного дерева. И только вера дает человеку мужество и силы, чтобы глядеть в глаза смерти и безумию и не склоняться безвольно пред ними» [9, с. 20].

Для Л. Шестова также, вера – это, в первую очередь, право верить, отсутствие которого и порождает отсутствие веры. Именно этому пониманию атеизма, как отсутствия права верить, посвящено сочинение Л. Шестова «Добро у гр. Толстого и Ницше».

По мысли Л. Шестова, атеизм Ф. Ницше – это попытки отыскания права верить. По мнению философа, неверие Ф. Ницше есть реакция на безуспешные попытки обрести веру. При этом, если «он ее не нашел, то, стало быть, условия таковы, что ему и найти ее нельзя было» [8].

Осмысление проблемы веры и неверия в рамках философского наследия С.Н. Булгакова представляет особый интерес, поскольку религиозные ориентиры, принятые философом еще в детстве, в дальнейшем не прошли проверку рационализмом и привели к его отрицанию религиозной веры. Вместе с тем, как отмечает С. Н. Булгаков, характер его неверия в данный период также отмечен своеобразной религиозностью, под которыми он понимает веру в прогресс. Атеизм С.Н. Булгаков рассматривает, как один из внутренних аспектов веры, исходно присущий сомневающемуся человеческому разуму, тогда как подлинным неверием является формальное исполнение предписаний [3, с. 32].

Таким образом, в русской религиозной философии начала XX в. атеистическое сознание представляет собой вторую сторону христианского сознания, понимаемого в принципах диалектики. Атеизм и неверие выступают, с одной стороны, своеобразной движущей силой, побуждающей к более глубокому осмыслению истин христианства, а с другой стороны, как неявный враж-

дебный элемент, до поры скрытый в недрах веры, но способный проявиться в условиях секуляризации общественного сознания.

Необходимо отметить, что в русской философии само понятие атеизма трактуется принципиально иначе, чем в европейской философии. Если для европейских философов атеизм есть цельное явление, основанное на принципах чистой рациональности, и соприкасающееся с верой только в том отношении, в котором он ее отвергает, то в философии русских мыслителей выделяется несколько форм, или стадий неверия, которое, однако, даже в своем пределе никогда не отрывается от веры.

Можно утверждать, что атеизм в русской религиозной философии – это своеобразный «упрек» Богу в невозможности ясно осмыслить его сущность, другими словами, атеизм в понимании русских философов принципиально не существует вне религии, а представляет ее часть.

Таким образом, обращение к проблеме атеистического сознания было общей реакцией передовой литературно-философской интеллигенции на сложные и трагические события начала века, спровоцировавших поиск новых духовных основ дальнейшего существования культуры.

Общим для воззрений таких философов, как В.В. Розанов, Л. Шестов, С.Н. Булгаков и др., является то, что в своих попытках критически осмыслить антиномию веры и неверия, они, фактически, никогда не покидали пределы религиозного сознания. Атеизм являлся для них не столько образом мышления, сколько инструментом, используемым для «проверки» христианства сомнением, иронией, неизвестностью.

Также можно отметить трагическое, а порой и экзальтированное переживание русскими философами сомнений в вере, что обусловлено глубоко личным переживанием ими проблемы религии, мыслящейся духовной основой жизни.

Отличительной чертой критического осмысления атеистического сознания в русской философии является то, что атеизм мыслится как явление, укорененное в самой вере, а, следовательно, невозможное и несуществующее за ее пределами.

Специфика осмысления проблемы неверия в русской философии во многом обусловлена тесной слитостью в русской традиции культурных, философских и религиозных идей, вследствие чего, атеизм в его европейском понимании в рамках русской философии невозможен и представляет собой только аспект диалектического единства веры, а кризис культуры мыслится, как кризис религиозного (христианского) сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье / Н.А. Бердяев // *Философия творчества, культуры и искусства*: Т. 1. – М., 1994. – 544 с.
2. Ермишин О.Т. О философии русской эмиграции: проблемы, методы, перспективы изучения / О.Т. Ермишин // *Вестник христианской гуманитарной академии*. – 2008 – № 2. – С. 153-165.
3. Булгаков С.Н. Автобиографические заметки / С.Н. Булгаков – Париж: YMCA Press, 1991. – 166 с.
4. Гирицкий А.А. О различии в антропологических взглядах Л. Шестова и С. Кьеркегора / А.А. Гирицкий // *Человек*. – 2017. – № 6. – С. 104-112.
5. Евлампиев И.И. Русская философия в европейском контексте / И.И. Евлампиев – Санкт-Петербург: РХГА, 2017. – 468 с.
6. Корнилов С.В. Философия русского зарубежья: развитие понятийного аппарата / С.В. Корнилов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. – 2009. – № 6. – С. 5-12.
7. Порус В. Феномен «Советской философии» / В. Порус // *Высшее образование в России*. – 2006. – № 11. – С. 154-166.
8. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ницше / Л. Шестов [Электронный ресурс] URL: <http://www.vehi.net/shestov/dobro.html> (дата обращения: 28.02.2022).
9. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне) / Л. Шестов – М.: Прогресс, 1992. – 304 с.

© Ковалева Марина Валерьевна (kmv-46@yandex.ru), Телегин Александр Александрович (taa78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

